

«СТАРСТЬ ГЛУБОКАЯ» В XIV–XVI в.: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И
ИХ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОКАМИ¹
(на материале письменных источников)

В русских источниках XIV–XVI в. (как правило, агиографических) нередко читаются рассказы о смерти того или иного персонажа в «старости глубокой» и в тесно связанной с ней «немоци». Принимая во внимание очевидный факт отличия современных демографических реалий от средневековых, нельзя не задаться вопросом: о каком именно возрасте идет речь и как он воспринимался современниками?

Ввиду особенностей историографии — основная часть работ по демографии России эпохи Средневековья посвящена численности, распределению и миграциям населения², а использование археологического материала ограничено тем, что археологическое изучение XIV–XVI в. (в отличие от более раннего периода) еще «находится на стадии интенсивного сбора материалов» [Чернов, с. 130] — приведем некоторые данные письменных источников. Они, как представляется, дают возможность, по крайней мере, отчасти прояснить поставленный выше вопрос. В связи с очевидными отличиями в продолжительности жизни мирян и иноков рассмотрим их отдельно.

Наступление старости у светских лиц

Опираясь на западноевропейский источниковый материал, который, как известно, сохранился несравнимо лучше русского, Ю. Л. Бессмертный заключил, что в странах Западной Европы старость в этот исторический период наступала между 50 и 60 годами [Бессмертный, с. 113]³. Согласно некоторым западноевропейским источникам, дожившие до своего 60-летия рыцари освобождались от обязательной службы, сохраняя при этом свой феоде [Лучицкая, с. 150]⁴. Средний возраст представителей династии Капетингов в средневековой Франции достигал 56 лет [Бессмертный, с. 113].

Заключая характеристику обстоятельств, значительно снижавших продолжительность жизни в Европе эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, Ф. Бродель отмечает: «Жизнь кратка и ненадежна — в далекие годы прошлого об этом говорят тысячи деталей. “Никто не удивится, видя как в 1356 г. юный дофин Карл (будущий Карл V) управляет Францией в 17 лет и умирает в 1380 г. в возрасте 42 лет, имея репутацию мудрого старца”. Коннетабль Анн де Монмарси, умерший на коне в битве при Сен-Дени в 1567 г. в возрасте 74 лет, представляет исключение. 55-летний Карл V, когда он отрекается от престола в Генте в 1555 г., — уже старик. Его сын Филипп II, умерший в 1598 г. в возрасте 71 года, на протяжении 20 лет при любой тревоге, вызываемой его шатким здоровьем, порождал у своих современников самые большие надежды и самые страшные опасения» [Бродель, с. 59–60].

Средний возраст представителей низших сословий в средневековой Европе, по-видимому, был ниже, чем у представителей знати [Бессмертный, с. 224].

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

² Подробнее об изучении демографических аспектов русской средневековой истории в исторической науке см.: [Горская]. Последний обзор демографического развития России в XV–XVII в. см.: [Водарский, Кабузан, с. 330–337].

³ К сходным выводам приходит и Р. Фоссье, согласно которому лишь незначительное число людей перешагивало 60–65-летний рубеж (см.: [Фоссье, с. 127]).

⁴ Любопытно отметить, что примерно до этого же возраста — 59–60 лет — мужчины призывались в ополчение в большинстве греческих полисов (см.: [Суриков, с. 133]).

Читатель вправе задать вопрос: в какой мере это соответствовало русским средневековым реалиям?

Отвечая на него, обратимся к результатам произведенных В. А. Кучкиным подсчетов продолжительности жизни единственной группы лиц, даты рождения которых в большинстве случаев известны, — московских князей — потомков Даниила Александровича. Историк показал, что средняя продолжительность их жизни была несколько ниже, чем у французских Капетингов — 42–44 года. Большинство московских великих князей XIV–XVI в. умирало в возрасте от 30 до 50 лет: Даниил Александрович (1261–1303), Юрий Данилович (кон. 70-х или нач. 80-х годов XIII в. — 1325), Семен (1316–1353) и Иван (1326–1359) Ивановичи, Дмитрий Иванович (1350–1389), Василий II (1415–1462), Федор Иванович (1557–1598). Лишь незначительная их часть перешагивала 50-летний рубеж, впрочем, не достигая 60 лет, — Иван Калита (нач. 1280-х — 1340), Василий I (1371–1425), Василий III (1479–1533), Иван IV (1530–1584)⁵. Сходным образом дело обстояло и с ближайшими родственниками великих князей — удельными князьями московского дома [Кучкин].

Долгожителем среди великих князей московских был Иван III (1440–1505). Он прожил 65 лет. Однако важно зафиксировать, что в последние годы жизни он, будучи полупарализованным, управлял страной уже в значительной степени номинально, постепенно передавая властные полномочия своему соправителю — Василию III⁶. Согласно «Слову иному», по мнению Ю. К. Бегунова, появившемуся вскоре после описываемых событий (ок. 1506–1509 г.), в 1503 г. у Ивана III «отнял... руку и ногу, и глаз» (см.: [Бегунов, с. 352]). А. А. Зимин полагал, что речь шла о развитии болезни великого князя (под 28 июля этого года летопись сообщала о том, что великий князь «начат изнемогати») [Зимин, 1982, с. 209]⁷. Соответствующие обстоятельства последних лет жизни великого князя, а также отсутствие других московских князей, доживших до его лет, косвенно указывают на то, что Иван III достиг предельного для представителя светской элиты возраста⁸.

Так же как и в странах Западной Европы, судя по всему, продолжительность жизни представителей менее привилегированных слоев была несколько ниже. Так, согласно археологическим данным (прежде всего, результатам раскопок кладбищ), «средний возраст смерти на территории средневековой Руси характеризуется интервалом от 32,3 до 43,8 лет... На территории Западной Европы в синхронное время средний возраст смерти колеблется в пределах возрастного интервала 30–34,9 лет» [Алексеева, Бужилова, с. 70]. Здесь, конечно, следует учитывать высокую младенческую смертность, которая значительно снижала среднюю продолжительность жизни.

За исключением великих (и в ряде случаев — удельных) князей у нас очень немного информации, позволяющей судить о продолжительности жизни представителей элиты. Как правило, исследователи располагают лишь хронологическим диапазоном, который очерчивают известные источники. Очевидно, что они фиксируют «активный» период жизни того или иного лица, давая сведения о сроке его службы и лишь косвенно о продолжительности жизни. На основе этих источников восстановить продолжительность жизни можно, лишь допустив, что первые упоминания сохранившихся источников фиксируют начало служебной карьеры, а заключительные — ее конец. Если допустить, что служебная карьера могла начинаться в

⁵ В данном вопросе мы опираемся на материал, собранный В. А. Кучкиным (см.: [Кучкин, с. 6–73]). Согласно оценке А. Поппэ, в домонгольский период представители политической элиты доживали в среднем до 60–65 лет (см.: [Поппэ, с. 358]).

⁶ Подробнее о последних годах правления Ивана III см.: [Зимин, 1972, с. 59–70; Каштанов, с. 21–238].

⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 12. С. 257.

⁸ Столь же почтенных лет — без нескольких дней 66 — столетием ранее достиг и тверской князь Михаил Александрович, скончавшийся в 1399 г. Подробнее об этом см.: [Конявская, с. 178].

возрасте около 15 лет (возраст верставшихся на службу «нови́ков»), а в большинстве случаев «активная» (фиксируемая источниками) жизнь редко выходила за рамки 20–30 лет⁹, можно предполагать, что активная жизнь значительной части служилых людей могла заканчиваться в возрасте 35–45 лет. После этого человек мог прожить еще какое-то время, которое, однако, в большинстве случаев в источниках не фиксируется. К числу исключений из этого правила можно отнести князя И. Ф. Мстиславского, который по политическим причинам удался в Кирилло-Белозерский монастырь в 1585 г. и спустя несколько лет — в 1593 г. — в возрасте примерно 63 лет скончался¹⁰.

Любопытно отметить, что эти данные хорошо согласуются с представлениями о времени наступления старости, бытовавшими в памятниках древнерусской книжности. Так, согласно трактату Максима Грека «Семь степеней человеческого возраста», старым можно было считать 50-летнего человека¹¹. Распространенное на Руси апокрифическое «Сказание, како сотвори Бог Адама» приводит несколько иные цифры, которые дополняют приводимую Максимом Греком, отмечая, что «прообразуя Господь Богъ житие человекское: ...40 лѣтъ — средовѣчье, 50 лѣтъ — сѣдина, 60 лѣтъ — старость...»¹². Таким образом, вероятно, вывод Ю. Л. Бессмертного о наступлении старости в возрасте от 50 до 60 лет в Западной Европе может быть отнесен и к России.

Вопрос о том, в каком именно возрасте чаще всего наступала смерть представителей элиты, требует специального рассмотрения. Как правило, сведений о смерти подавляющего большинства представителей элиты ни летописи, ни делопроизводственные документы не содержат (разумеется, за исключением тех случаев, когда речь шла о гибели на поле боя). Лишь частично соответствующие сведения могут быть компенсированы данными источников, которые широко для историко-демографического исследования еще не привлекались — хозяйственных документов монастырей (прежде всего, вкладных и кормовых книг), а также записей на могильных плитах, в деле изучения которых в последние годы было сделано немало (см.: [Беляев; Шокарев, с. 141–187; Русское средневековое надгробие; Чернов, с. 124–128]). И те, и другие, в целом ряде случаев сообщающие дату смерти, в перспективе могут дать важный материал для определения хронологического диапазона между отходом от активной жизни, фиксируемой летописными, актовными и делопроизводственными источниками, и кончиной. Однако очевидно, что проведение подобного исследования — дело будущего.

В свете вышесказанного в настоящий момент можно констатировать, что «среднестатистический» человек, перешагнувший 50- и тем более 60-летний рубеж, в России XVI в. рассматривался как лицо, достигшее весьма преклонного возраста, связанного с наступлением «немощи», резко снижавшей трудоспособность.

На это, в частности, прямо указывает содержание одной выходной записи на рукописном Евангелии 1514 г. Писец — Михаил, белый священник («иерей») из Галича, — заканчивая переписку книги, в соответствии с древнерусской писцовой традицией, помещает просьбу не «порицать» его за допущенные ошибки. Основная часть выходной записи свойственна подавляющему большинству выходных записей — нестандартным является ее окончание.

⁹ Наиболее подробные подборки биографических сведений о представителях знати XV–XVI в. собраны С. Б. Веселовским, А. А. Зиминим и В. Б. Кобриным, о дьяках и подьячих XV–XVII в. — Н. П. Лихачевым, С. Б. Веселовским, А. А. Зиминим и Д. В. Лисейцевым (см.: [Лихачев; Веселовский, 1969; Веселовский, 1975; Зимин, 1971, с. 219–286; Зимин, 1988; Кобрин; Лисейцев, с. 585–662]).

¹⁰ Дату кончины И. Ф. Мстиславского сообщает Кормовая книга Симонова монастыря — родовой усыпальницы Мстиславских (см.: Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. к печ. А. И. Алексеев // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 41).

¹¹ Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Сергиев-Посад, 1911. Ч. 3. С. 186.

¹² БЛДР. СПб., 1999. Т. 3. С. 96.

Михаил после обычных в таких случаях упоминаний о своей «многогрешности» и неизбежных ошибках отмечает, что извиняющим его обстоятельством является преклонный возраст. Как он специально подчеркивает, книгу он «**при старости** бо писах, **имыи** уже **от рожения** своего **лет шестьдесят и пять**»¹³. Из текста записи очевидно, что ее потенциальный читатель был осведомлен о состоянии человека, достигшего такого возраста. Как видим, характер упоминания 65-летнего возраста однозначно указывает на то, что он рассматривался как уже весьма преклонный («старость»). Его наступление в XVI в. связывалось с представлением о значительном падении трудоспособности (в данном случае писца, представляющего белое духовенство, бытовые особенности жизни которого не слишком отличались от жизни обычных мирян). Это, в свою очередь, хорошо сочетается с уже отмеченными выше обстоятельствами жизни Ивана III в последние годы его правления.

Наступление старости у духовных лиц

Несомненно, иноки в силу более строгого соблюдения постов и жестко регламентированного распорядка жизни жили существенно дольше, чем миряне, и, соответственно, «немоць» у них могла наступать несколько позднее¹⁴.

Любопытные сведения для ответа на вопрос о том, когда это могло происходить, содержит одна писцовая запись. В рукописи, переписанной около 1523–1526 г., на свою «немоць» сетует достигший 70-летнего возраста известный писец из Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин. Так, среди прочего он отмечает: «...а сию книгу писал от лет **на осьмом десятку перваго лета** и, **аще** описахся или не исправих от неразумия и **за немоць**, Господа ради, прочитая, исправлиайте»¹⁵. Как нетрудно заметить, немоць здесь выступает в ее «биологическом», а не «литературном» значении.

На наступление крайней степени «немощи» в близкий в возрастном отношении период сообщают источники, повествующие о новгородском архиепископе Феодосии, выходеце из Иосифо-Волоколамского монастыря. Он сначала являлся настоятелем Спасо-Хутынского монастыря, а затем новгородским владыкой (с 1542 г.). В 1550 г. Феодосий в возрасте примерно 60 лет был сведен с кафедры (обстоятельства «сведения» летопись не поясняет — оно могло быть как добровольным, так и насильственным) и отправлен в волоколамскую обитель, где и скончался 13 лет спустя в 1563 г. Летопись прямо не сообщает о том, что владыка покинул кафедру ввиду своей «немощи», которую, впрочем, исключать нельзя. Так, во-первых, Житие Феодосия пишет об «оставлении престола» владыкой (цит. по: [Макарий (Веретенников), с. 198, примеч. 136]). Во-вторых, следует обратить внимание на свидетельство Повести о кончине Феодосия, написанной его учеником Евфимием Турковым вскоре после его смерти. Этот источник сообщает о том, что владыка, умерший в 72-летнем возрасте, последние 6 лет жизни в «велицей болезни на одре лежа» [Макарий (Веретенников), с. 210]. Соответственно, «немоць» Феодосия настигла либо в 60-летнем возрасте (если он добровольно ушел с кафедры), либо в 66-летнем (если он был сведен насильно), когда его «великая болезнь» приковала к «одру». В любом случае, наступление «немощи» этого лица относится к периоду между 60 и 70 годами, то есть примерно к тому же возрасту, что и у Гурия Тушина. Впрочем, необходимо заметить, что и внутри монастырских стен лица, прожившие 70 и более лет, встречались, судя по всему, не так часто (подробнее см.: [Донской, с. 3–13; Усачев, 2012, с. 61–74]). Это, в свою очередь, можно связать с тем, что уже упоминаемое нами выше апокрифическое «Сказание, како сотвори Бог Адама» указывает на 70-летний возраст как период «скончания» (то есть смерти)¹⁶.

¹³ РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 9. Л. 194 об. (выделено нами. — А. У.).

¹⁴ Подробнее об особенностях монастырского быта см.: [Романенко]. Также см.: [Покровская, с. 293–295].

¹⁵ Цит. по: [Казакова, 1961, рис. 1 (РНБ. Соф. 1468. Л. 182)] (выделено нами. — А. У.).

¹⁶ БЛДР. Т. 3. С. 96.

Здесь надо сделать важное пояснение. В случае с Гурием Тушиным, который на момент переписки рукописи уже более 40 лет проживал в Кирилло-Белозерском монастыре¹⁷, и Феодосием, принявшим постриг в 30-е годы [Макарий (Веретенников), с. 206], речь идет о лицах, имевших весьма значительный монастырский «стаж».

Иные лица, имевшие столь же почтенный или даже больший монастырский опыт, могли жить примерно столько же или даже несколько больше. На это косвенно указывают произведения житийной литературы. В них «старость» и связанная с ней «немошь» выступают как неотъемлемые черты едва ли не всех русских святых. Как известно, смерть святого в «старости» являлась отличительной чертой целого ряда памятников русской средневековой агиографии. При этом «старость» святого, как правило, была «глубокой», «великой», «честной», «святолепной» (то есть «достойной» и «почтенной»¹⁸) или «маститой» (то есть «почтенной» и «уважаемой»¹⁹) — негативные коннотации, связанные с упоминанием преклонного возраста, нам обнаружить не удалось. В произведениях житийной литературы почтенный возраст, а также связанная с ним «немошь» представлены как важные атрибуты святости большинства подвижников (прежде всего, преподобных)²⁰.

Сам факт достижения преклонных лет в глазах средневекового человека означал признание богоугодности образа жизни соответствующего лица. На это, в частности, прямо указывает «Слово похвальное» Сергию Радонежскому (XV в.): «...старость бо честна не многолѣтна, ни в числѣ лѣт изчетена естъ; сѣдины же суть разумъ челоувѣку, лѣта же старости — житие нескверно. Угодень Богу бывъ и възлюбленъ бывъ (Сергий. — А. У.), живый посреди грѣшникъ преставленъ бысть, да не злоба измѣнить разум его, и лѣсть да не помрачит душу его; скончався, в малѣ испльни лѣта многа: угодна бо бѣ Господеву душа его» (цит. по: [Клосс, 1998, с. 281–282]).

Долгожители

В контексте вышесказанного вряд ли является случайным, что ряд русских святых и деятелей церкви XIV–XVI в. прожили очень долгую по меркам Средневековья жизнь, перешагнув 70-летний рубеж: митрополит Алексей (1300–1378)²¹, Евфимий Суздальский (1316 (?)–1404/1405), Евфросин (ок. 1386–1481) и Серапион (ок. 1390–1480) Псковские, Пафнутий Боровский (1394–1477), Макарий Калязинский (1402–1483), Иосиф Волоцкий (1439–1515), Кассиан Босой (ок. 1439–1532), Даниил Переяславский (ок. 1460–1540), Александр Свирский (1448–1533), Корнилий Комельский (1457–1537), Антоний Сийский (1478–1557), митрополит Макарий (ок. 1481/1482–1563), тверской епископ Акакий (1482–1567) и др.²²

Фиксируя факт их несомненного долголетия, обратим внимание на два момента. Во-первых, речь идет о лицах, имевших весьма значительный монастырский «стаж», который мог достигать 5–6 десятилетий. Во-вторых, речь явно идет об исключениях из общего правила,

¹⁷ Подробнее о Гурии Тушине см.: [Казакова, 1961, с. 169–200; Казакова, 1970, с. 244–276].

¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 306.

¹⁹ СРЯ XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 40; СДРЯ (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. IV. С. 511.

²⁰ См., например, памятники агиографии XV–XVI в. (жития, похвальные слова и т. д.), посвященные митрополитам Петру, Алексию и Ионе, а также Сергию и Никону Радонежским, Иоанну и Евфимию Суздальским, Арсению Тверскому, Федору Ярославскому, Пафнутию Боровскому, Иосифу Волоцкому, Даниилу Переяславскому (см.: [Кадлубовский, с. 142–144; Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. — 15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С. И. Смирнова. М., 1908. С. 72; Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным: по двум рукописям Собрания П. А. Овчинникова / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 43, 46; Клосс, 1998, с. 88, 275, 278, 281, 420; Клосс, 2000, с. 39, 42, 54, 222, 272, 281, 315, 362; Конявская, с. 357; Усачев, 2007, с. 46; Усачев, 2008, с. 40, 56]).

²¹ Подробнее о датировке рождения митрополита Алексея см.: [Горский, 2000, с. 33–35].

²² Сведения о возрасте некоторых других русских святых эпохи Средневековья представлены Г. Г. Донским (см.: [Донской, с. 8]).

исключениях, которые лишь подтверждали его. Очевидно, что на фоне основной части населения, среди которого, судя по всему, 50-летние и 60-летние лица встречались нечасто, образы 70-летних и тем более 80-летних подвижников выделялись не только своими духовными подвигами, но и редким для своего времени долголетием.

Сказанное выше, конечно, не значит, что относительных долгожителей среди представителей политической элиты не было вовсе. Так, нельзя не вспомнить упоминание А. М. Курбским применительно к середине XVI в. о наличии у царя наряду с советниками «в среднем веку» и неких «мужей разумных и совершенных во старости маститой сущих», возраст которых, однако, специально не оговорен [Ерусалимский, с. 18]. О каком возрасте может идти речь?

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на указание источников на то, что в середине XVI в. могли быть живы бояре, начавшие службу еще при Иване III. Прозрачный намек на это содержит соборный «Ответ» бывшего митрополита Иоасафа (Скрипицына) (100-я глава «Стоглава»): в 1551 г., рекомендуя Ивану IV составить подробный перечень участников собора 1503 г., пребывающий на покое иерарх советовал: «А спрашивай, государь, о том соборѣ боярь своихъ старыхъ — тѣ, государь, помнятъ, кто на томъ соборѣ былъ — архимандритовъ и игуменовъ, и честныхъ старцовъ» [Емченко, с. 413]. Хотя, неясно, идет ли речь о непосредственных свидетелях собора, или о тех, кто помнил по рассказам о составе его участников, первое весьма вероятно. Это значит, что при дворе в 1551 г. могли (или, что вернее, должны были, согласно Иоасафу, к тому моменту уже длительное время проживавшему в Троице) находиться лица, начавшие службу не позднее рубежа XV–XVI в.

К числу таких лиц, в частности, мог принадлежать боярин М. В. Тучков, упоминаемый в источниках в 1500–1550 г. (о нем см.: [Зимин, 1988, с. 240; Шмидт, с. 298–301]). Поскольку сообщение о нем под 1500 г. является самым ранним его упоминанием в источниках, можно допустить, что оно относится к начальному периоду служебной карьеры, которая у знатных юношей начиналась в возрасте около 15 лет. Это дает основания думать, что в середине XVI в. М. В. Тучков достиг возраста около 65 лет или несколько больше. Вряд ли стоит сомневаться в том, что такие долгожители, как переживший своего сына Василия (ум. в 1548 г.) М. В. Тучков, встречались нечасто. Для ответа на вопрос о том, насколько часто они встречались, определенный материал содержат проанализированные В. А. Кучкиным сведения о потомках Даниила Александровича: из 12 московских князей XIII–XVI в. (от Даниила до Федора) лишь 1 — проживший 65 лет Иван III — приблизился по своей продолжительности жизни к М. В. Тучкову.

Очевидно, что в эпоху Средневековья существовали долгожители — как на Руси, так и в иных странах — и среди представителей иных социальных групп. Принимая во внимание их явное численное преобладание, допустимо думать, что их могло быть даже больше, чем среди представителей знати, хотя сведений о них сохранилось несравнимо меньше. Определенную информацию о предельном возрасте лиц из низших социальных групп дают материалы судебных дел.

Так, среди византийских крестьян-старожилов в эпоху позднего Средневековья для дачи показаний избирались наиболее «старые» и «почитаемые» лица — речь шла о тех, кто достиг 70-летнего возраста; особым авторитетом пользовались старцы, достигшие «почти» 80-летнего возраста, сообщения о которых носили, однако, исключительный характер [Вин, с. 119–120].

Русских крестьян-старожильцев упоминают, в частности, некоторые правые грамоты XV–XVI в. Они указывают, что тот или иной свидетель, живущий продолжительное время в одной местности (так называемый старожилец), помнит о принадлежности соответствующих земельных угодий за достаточно продолжительный период времени — за 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80 и даже за 100 лет²³.

²³ См., например: АФЭХ. М., 1951. Ч. 1. № 103, 114, 117, 125, 129, 141, 248–249, 254, 258–259, 261, 306; АФЭХ. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). М., 1983. № 46, 72, 154.

Оценивая степень полноты и достоверности демографической информации, содержащейся в правых грамотах, обратим внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, в источниках не указано, что речь идет непосредственно о событиях времени жизни старожильцев — по крайней мере, в ряде случаев речь могла идти о том, что они помнили о событиях, которые могли произойти еще до их рождения. Во-вторых, нельзя не заметить, что лица, память которых простирается на 80 и более лет, встречаются крайне редко²⁴. В-третьих, как уже отмечалось выше, источники не сообщают, с какого именно возраста старожильцы помнили те или иные факты. В-четвертых, «круглые» цифры (60, 70, 80 и т. д. лет) указывают на значительную степень приблизительности сообщаемой информации — по сути, единственным гарантом ее достоверности было крестное целование свидетелей.

Известны на Руси и крестьяне-долгожители, на возраст которых прямо указывают источники. Так, один из списков Волоколамского патерика сообщает о том, что о жизни Иосифа Волоцкого поведал «некий земледелец, именем Жук много лет живущу ему на сем месте, яко же рече 100-летен сын»²⁵. Очевидно, что оговорка «яко же рече» означает большую степень приблизительности этой информации (не приходится сомневаться в том, что «яко» в данном контексте имеет значение «около», «приблизительно»²⁶).

Вероятно, столетний возраст был синонимом исключительного для эпох Античности и Средневековья долголетия, связанного с наступлением крайней степени старости и связанной с ней «немощи»²⁷. На это, в частности, указывают детали рассказа об участии в крещении Ивана IV волоколамского инока Кассиана Босого (ок. 1439–1532), которому в 1530 г. было около 90 лет. Работавший три десятилетия спустя после кончины Кассиана — на рубеже 50–60-х годов XVI в. — составитель Степенной книги, основываясь на рассказах современников описываемых событий, пишет, что возраст волоколамского старца составлял около 100 лет («старости же достиже яко лѣтъ 100»). Именно поэтому на крещение наследника престола в Троицу волоколамского долгожителя «яко младеница привезоша, и бяше поддержи́мъ нѣкоими избранными двема иноки тоя же обители»²⁸. Столь же приблизительные «круглые» цифры о продолжительности жизни донесли источники и более раннего времени.

Так, согласно летописной записи под 1147 г., умерший в этом году долгожитель домонгольской поры — 90-летний «муж» одного из черниговских князей Святослава Ольговича Петр Ильич — «уже бо от старости не можаше ни на конь всѣсти»²⁹. В связь с этим поставим сообщение о том, что в ходе судебного разбирательства по поводу имущественного спора в 1430 г. иноки афонского Пантелеймонова монастыря представили свидетеля — монаха Нила, достигшего «почти девяноста лет», — который, как отмечает источник, «пришел в крайность» [Вин, с. 121].

²⁴ Так, анализ актов, изданных в серии «Акты феодального землевладения и хозяйства», дал возможность выявить лишь одно упоминание о 100 годах (см.: АФЗХ. Ч. 1. № 306). Очевидно, что итоги последующего специального изучения упоминаний в источниках долгожителей в перспективе, вероятно, позволят существенно расширить круг сведений о русских крестьянах-долгожителях.

²⁵ ГИМ. Синодальное собрание. № 927. Цит. по: [Питирим, с. 222].

²⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1652.

²⁷ Так, известно, что, по крайней мере, в античную эпоху подобный возраст был чем-то из ряда вон выходящим. Судя по приводимым Плинием Старшим (I в. н. э.) материалам переписи населения Римской империи, проведенной при Веспасиане, в Империи с населением в десятки миллионов жителей столетние старцы были столь редким явлением, что привлекали всеобщее внимание. Сам Плиний скептически относился к достоверности подобных сообщений, отмечая, что речь шла о стариках, проживающих в деревнях, где отсутствовали документы, подтверждающие их возраст (см.: [Рохлин, с. 285]). Подробнее о демографических реалиях и их восприятии современниками в древнегреческих полисах см.: [Суриков, с. 129–133].

²⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 317 (выделено нами. — А. У.). Подробнее об этом эпизоде см.: [Усачев, 2012, с. 71–72].

²⁹ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 340.

По-видимому, 90-летний возраст (обратим внимание на «круглую» цифру) в эпоху Средневековья служил синонимом исключительно преклонного возраста и к конкретной (в данном случае 90-летней) продолжительности жизни мог быть и не привязан. Так, наряду с Петром Ильичем в ранних русских источниках под 1106 г. содержится упоминание о смерти другого долгожителя — известного киевского воеводы Яна Вышатича, который также прожил ровно (!) 90 лет³⁰. Конечно, нельзя полностью исключать того, что и Ян Вышатич, и Петр Ильич действительно прожили по 90 лет. Однако более вероятным представляется иной вариант появления этой цифры в летописи: летописец в «документальном» повествовании мог использовать и метафору³¹, которая символизировала беспрецедентную продолжительность жизни³² и косвенно указывала на праведный образ жизни описываемого лица³³. Во всяком случае, точно установлено «литературное» происхождение аналогичного возраста другого персонажа — черниговского князя Давида Святославича (1150-е — 1123), который, согласно «Слову о князьях» (XII в.), представлявшему его идеальным правителем, также прожил 90 лет [Лопарев, с. 24]³⁴.

Подобные метафоры встречаются и в былинах, повествующих о киевской эпохе, — в частности, в былинах о Василии Буслаеве, прожившем 90 лет, о Вольге и Микуле Селяниновиче (90 лет прожил отец Вольги — Святослав) (согласно Б. А. Рыбакову, по крайней мере, последняя былина в первоначальном виде могла сложиться еще в домонгольское время [Рыбаков, с. 52–58]).

Впрочем, исключать полностью возможность существования уже в домонгольскую эпоху лиц, доживших до 90 и более лет, вряд ли стоит. Во всяком случае, в памятниках раннего русского летописания, тесно связанных с устной традицией, такие долгожители упоминаются. Так, наряду с Яном Вышатичем в летописи упоминается инок Киево-Печерского монастыря старец Еремия, который в 60–70-е годы XI в. «помняше крещение земле Русьскыя» (то есть события 988 г.) (об этом см.: [Щавелев, с. 89]). Согласно данным, представленным Б. Гене, максимальный возраст информаторов западноевропейских хронистов эпохи Средневековья также мог достигать 100 лет [Гене, с. 97]. Выше нами уже были приведены данные и о некоторых долгожителях XV–XVI в., возраст которых достигал или переваливал 90-летний рубеж (Евфросин и Серапион Псковские, Кассиан Босой). В любом случае, очевидно, что речь идет об исключительных случаях.

По-видимому, в эпоху Средневековья (и не только русского) достижение 80-летнего возраста было реальностью (в отличие от в значительной мере «литературного» 90-летнего), но столь редко встречающейся, что современники подобную продолжительность жизни рассматривали как нечто из ряда вон выходящее (вспомним и представленный в «Сказании, како Бог сотвори Адама» «стандартный» возраст «скончания» — 70 лет).

³⁰ Там же. Стб. 257. Последний анализ сведений источников о деятельности этого персонажа см.: [Гимон].

³¹ О сочетании в одних и тех же летописных рассказах сообщений, имеющих «документальное» и «литературное» происхождение, подробнее см.: [Еремин, с. 67–97].

³² Подробнее о «литературном» происхождении сообщения о 90-летнем возрасте Яна Вышатича см.: [Лихачев, с. 102–103, примеч. 4].

³³ Указание на столь почтенный возраст Яна Вышатича и Петра Ильича, по-видимому, можно связать с наблюдением И. П. Еремина, отметившего, что в ряде случаев включение деталей литературного характера обуславливалось стремлением летописца выразить свое отношение к тем или иным персонажам (см.: [Еремин, с. 93]). Характеристика Петра Ильича как «добротного старца», а также содержание некролога Яну Вышатичу (он умер «въ старостѣ маститѣ, живѣ по закону Божию не хужий первых праведникѣ») (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257, 340) не оставляет никаких сомнений в стремлении летописца представить этих персонажей в самом позитивном свете.

³⁴ Подробнее о степени соответствия материала «Слова о князьях» историческим реалиям эпохи Давида см.: [Лихачев, с. 102, примеч. 4; Горский, 2006, с. 602–603].

О том, насколько часто встречались долгожители, прожившие 80 и более лет, определенную информацию дает материал по истории медицины. Как отметил известный специалист в этой области Д. Г. Рохлин, обследовавший несколько тысяч скелетов людей, живших в эпохи Античности, Средневековья и Нового времени, «мы не наблюдали ни одного» с теми признаками, которые «позволяют считать, что соответствующий человек жил больше 80 лет. Несомненно, что такие люди все же были, но это долголетие было столь редким явлением, что мы ни разу его не наблюдали» [Рохлин, с. 287] (подробнее о болезнях эпохи древности и Средневековья см.: [Бужилова]).

Приведенные выше сведения позволяют зафиксировать, что достижение 80-летнего и более значительного возраста являлось очень редко встречающимся исключением из общего правила — основная масса населения жила существенно меньше, подходя к старости примерно в 60-летнем (а возможно, и более раннем) возрасте. Другим, встречающимся гораздо чаще, исключением были иноки, имевшие значительный — несколько десятилетий — монастырский «стаж»: они могли доживать до 70-летнего и более преклонного возраста.

* * *

Подводя итоги, зафиксируем, что, судя по всему, как правило, «старость глубокая» и связанная с ней «немоць» наступали между 50 и 60 годами. Во всяком случае, судя по приведенным выше примерам, проживавшие вне монастырских стен лица, перевалившие 60-летний рубеж, рассматривались как нетрудоспособные (вспомним последние годы жизни Ивана III). Об этом прямо пишет галицкий священник Михаил. Редкие исключения из этого правила общей картины не меняли. По-видимому, в монастырях жили дольше — источники сохранили сведения об иноках, проживших 70, 80 и более лет. Однако необходимо помнить, что речь идет о тех, кто прожил в обителях несколько десятилетий и полностью изменил свой образ жизни, подчинив его монастырскому распорядку. Вряд ли это можно отнести к лицам, принявшим постриг в зрелом или пожилом возрасте. Вероятно, в их случае можно говорить о продолжительности жизни, характерной для светских лиц (вспомним, продолжительность жизни И. Ф. Мстиславского). С относительно невысокой продолжительностью жизни светских лиц и может быть связан испытываемый ими пиетет по отношению к тем, кто прожил 70, 80 и более лет, пиетет, который нашел отражение в ряде памятников литературы (по преимуществу, агиографической).

Литература

- Алексеева Т. И., Бужилова А. П. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология // Российская археология. 1996. № 3. С. 58–72.
- Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладениями Церкви // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 20. С. 351–364.
- Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
- Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века: очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2007.
- Бужилова А. П. Homo sapiens. История болезни. М., 2005.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Вин Ю. Я. Старожилы поздневизантийской деревни // Средние века. М., 2010. Вып. 71 (1–2). С. 117–138.

- Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Территория и население России в XV–XVIII вв. // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 328–360.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 65–117.
- Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.
- Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А. А. Давид Святославич // ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 602–603.
- Донской Г. Г. Восприятие старости древнерусскими агнографами XIV–XVI вв. // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2012. № 2. С. 3–13.
- Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
- Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.
- Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского. М., 2009. Т. 2.
- Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 219–286.
- Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Кадлубовский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2.
- Казакова Н. А. Книгописная деятельность и взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 169–200.
- Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли (первая треть XVI в.). Л., 1970.
- Каиштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
- Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1.
- Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2000. Т. 2.
- Кобрин В. Б. Материалы по генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.
- Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007.
- Кучкин В. А. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. 2013. Т. 4. С. 6–73.
- Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. Приложение 1. Биографии дьяков центральных приказов начала XVII в.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования. СПб., 1888.
- Лопарев Х. М. Слово похвальное на пренесение мощей свв. Бориса и Глеба (неизданный памятник литературы XII века). СПб., 1894 (ПДИ. Вып. 98).
- Лучицкая С. И. Историко-демографические данные иерусалимских ассиз // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы: проблемы и исследования. М., 1988. С. 146–153.
- Макарий (Веретенников), архим. Новгородский архиепископ Феодосий (1542–1551; †1563) // Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 186–215.
- Питирим, архиеп. О Волоколамском патерике // Богословские труды. М., 1973. Сб. 10. С. 175–176.
- Покровская В. Ф. Описание монастырской трапезы (по рукописи конца XVI в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 293–295.
- Поппэ А. Новгородский епископ Лука-Жидята: к вопросу о студитах на Руси // Висы дружбы: сб. ст. в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 357–367.

- Романенко Е. В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.
- Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л., 1965.
- Русское средневековое надгробие, XIII—XVII века: материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. М., 2006. Вып. 1.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Суриков И. Е.* Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // *Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад.* М., 2010. С. 113—144.
- Усачев А. С.* Житие митрополита Ионы третьей редакции // *Вестник церковной истории.* 2007. № 2. С. 5—60.
- Усачев А. С.* Житие Иоанна Суздальского // *Вестник церковной истории.* 2008. № 2. С. 5—56.
- Усачев А. С.* Волоколамский инок Кассиан Босой (ок. 1439—1532 гг.) и его современники // *ДРВМ.* 2012. № 2 (48). С. 61—74.
- Фоссье Р.* Люди Средневековья. СПб., 2010.
- Чернов С. Э.* О комплексных методах в русской средневековой археологии // *Средние века.* М., 2009. Вып. 70 (3). С. 98—131.
- Шмидт С. О.* Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // *Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России.* Т. 1. Кн. 1. М., 2007. С. 298—309.
- Шокарев С. Ю.* Русский средневековый некрополь: на материалах Москвы XIV—XVII вв. // *Культура памяти: сб. науч. ст.* М., 2003. С. 141—187.
- Щавелев А. С.* Славянские легенды о первых князьях: сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.